

Виктор ДЪЯКОВ

18+

"ЛИМОНКА"

Виктор Дьяков

«Лимонка»

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Дьяков В. Е.

«Лимонка» / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2008

1942 год. За первый год войны Яков Фомич потерял обоих сыновей и умершую от горя жену. Смыслом жизни одинокого старика становится "Лимонка", невероятно быстроногая кобыла, о которой он постоянно заботится, не давая угробить на непосильной колхозной работе. Но возникает новая опасность, банда дезертиров, скрывающаяся в окрестных лесах. Бандиты совершают набеги на деревни, убивают коммунистов и милиционеров, забирают колхозное имущество в том числе и самых лучших лошадей. В очередной раз, на санях отвозя на завод колхозное молоко, Фомич с "Лимонкой" напарываются на бандитов...

© Дьяков В. Е., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

1	5
2	6
3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

1

За что эту необыкновенно резвую кобылу прозвали «Лимонкой»? За редкую масть, этакую бледно-желтоватую. Еще в ее жеребячьем возрасте мальчишки, пасшие в ночном колхозный табун, обратили внимание, что при лунном свете она вся сияет, словно лимонная кожура. А лимоны тогда, в первые годы коллективизации, в деревне Глуховке, как и в прочих мешерских деревнях и селах были большой редкостью. Потому, сравнение масти молодой кобылы с таким редким для того времени цитрусовым являло выражение определенного восхищения. Восхищаться уже по-настоящему «Лимонкой» стали когда ей исполнилось года четыре. На ходу, рысью, хоть под седлом, хоть запряженной в телегу или сани, она при прочих равных условиях легко обгоняла всех, как жеребцов, так и кобыл в своем колхозе. Любители поозоровать на спор стали выставлять ее против лучших скакунов из соседних колхозов. А что, колхозная собственность не своя, ее не жалко. И надорвалась бы на этих соревнованиях «Лимонка», зарабатывая для озорников, выставляемый в качестве приза самогон, не вступись за нее ее номинальный хозяин. Если, конечно, так можно было назвать бывшего хозяина ее матери, кобылы «Ласки», в тридцатом году отданной им в колхоз. Яков Фомич Пономарев, не смог долго терпеть это издевательство. Какое-то чувство сродни родственному взыграло в нем. Хоть никогда и не шел он наперекор начальству, но не смог на этот раз заглушить то, что исподволь сидело в нем. Ведь не будь колхоза, «Лимонка» бы принадлежала ему, а как всякий нормальный крестьянин, свою собственность он любил, и в том же тридцатом году расставался с нею, как с кровью отдирав. Чувствовал он что-то вроде хозяйской любви и к этой кобылице, хоть рожденной уже не в его хлеву, а на колхозной конюшне.

Председатель внял просьбе Фомича – действительно, ухайдокают до срока кобылу мазурики, коих в колхозе имелось немало. Он же и одобрил его «деловое» предложение:

– И в самом деле, бери-ка ты ее под свое руководство. Ты мужик справный, к лошадям привычный, так что передай бригадиру, чтобы он только тебя на «Лимонке» наряжал работать.

В руках Фомича «Лимонка», что называется, расцвела, окрепла, вошла в силу. Тот трудодень, что Фомич выработывал на «Лимонке» надо было умножать на полтора, а то и на два, но в колхозах такой практики не водилось, за день больше одного трудодня не зачтут. Как раз, когда «Лимонка» находилась в самом расцвете лошадиных сил, началась война... Наполовину опустела Глуховка, всех здоровых мужиков, у кого брони не было, от восемнадцати до сорока девяти под метлу выгребли, как раз перед самой страдной порой. Потому сенокосом занимались срочно мобилизованные бабы и старшие мальчишки. Ну, и конечно, заготовили сена в том сорок первом немного. В зиму колхозную скотину кормить оказалось почти нечем. Коров, свиней, тех большей частью забили, а что с лошадьми делать? Лошадей распределили по дворах, и, само-собой, «Лимонка» досталась Фомичу. Так, что ей хуже не стало, ведь Фомич сам поест забудет, а ее накормит, работать до изнеможения никогда не заставит, если вспотеет на холоде, всегда попоной накроет, чтобы не простыла, зимой на морозе никогда надолго не оставит стоять. Пятидесятипятилетний Яков Фомич всю свою отеческую заботу сосредоточил на «Лимонке», ибо больше заботиться ему к концу сорок первого года стало не о ком. Двух сыновей, не успели жениться, позабিরали на фронт. Одного убили через полтора месяца, второй пропал без вести через четыре. Жена не выдержала этих известий, слегла и умерла уже в декабре. И остался Фомич один одинешенек... разве что «Лимонка» оставалась, последняя отрада. Правда, теплилась надежда на то, что живой второй сын... но надежда была слабой.

2

Едва наступил 1942 год, в районе объявилась вооруженная банда дезертиров. Они совершали дерзкие налеты на обозы с продовольствием, отбирали лошадей и повозки, а самих возчиков отпускали. Учитывая то, что продовольствие предназначалось для действующей армии, то данные акты означали прямой вызов советской власти. Не мудрено, что все наличные силы райотдела милиции бросили на борьбу с этими бандитами. Побывавшие в руках бандитов возчики в один голос утверждали, что те дезертиры все не местные и им незнакомые. Исходя из этого, окрестных мещерских лесов и болот они знать не должны. Тем неожиданнее оказалось то, что банда легко ушла от первой облавы, а во время второй умело организовала засаду, окружив шестерых милиционеров. Они бы все неминуемо погибли, если бы им на помощь не подоспели товарищи. Тем не менее, двое из окруженных оказались убиты и еще двое ранены, а бандиты вновь бесследно растворились в зимнем лесу, в болотах.

Тут уж сомневаться не приходилось – кто-то из бандитов не просто знает местные леса и болота, а знает их досконально. Чтобы покончить с разбоем уже летом сорок второго года, когда сошла весенняя талая вода и подсохло, решили прочесать чуть не все окрестные леса и ту часть болот, которая была проходима. Для этого масштабного мероприятия районным милиционерам подошла подмога с области, более того, учитывая большую площадь «прочеса», перебросили подразделение войск НКВД. Целых две недели продолжалась эта операция. Стреляли по подозрительным пням, корягам, деревьям, перебили немало мелкого зверья – крупный здесь уже давно не водился... Но бандитов след простыл, даже свежих кострищ не нашли, не говоря уж о других следах. Ведомые опытными проводниками-охотниками милиционеры и НКВДешники прочесали каждую тропку, залезли в самые дебри, рисковали утонуть в трясине – дезертиров нигде не обнаружили. Стали кумекать и порешили – видно, банда подалась куда подале, а может и рассыпалась поодиночке, разошлась в разные стороны. О том же говорило и то, что последнее нападение случилось где-то в марте, а с тех пор они о себе ни разу не напомнили. На том и порешили – ушли бандиты и если объявятся, то уж далеко отсюда, а может и вообще не объявятся...

То, что банда объявилась вновь, уже в зиму с сорок второго на сорок третий годы стало полной неожиданностью для всех. Бандиты, правда, немного уменьшившись в числе, но все равно где-то около десятка человек, как и в прошлую зиму в основном нападали на обозы с продовольствием, но не только. В небольших деревнях они убивали председателей, бригадиров и прочих активистов, ну и, конечно, не щадили милиционеров. Простых же людей, как правило, отпускали. Лошадей забирали по выбору, самых быстрых и выносливых. Узнал про то Яков Фомич и очень обеспокоился за свою «Лимонку». Ведь по всей округе о ней шла слава как о самой самой... Но, удивительное дело, как в прошлую зиму, так и в эту бандиты словно специально обходили Глуховку и ни одного своего «дела» не сделали вблизи ее. Обзаведясь быстрыми лошадьми, банда стала совершать все более дерзкие акции. Самой громкой из них стало нападение на центральную усадьбу колхоза-передовика, чей председатель являлся орденосцем. Именно председателя бандиты расстреляли в первую очередь, потом местного участкового милиционера, счетовода, оказавшегося коммунистом, и сожгли правление. Ограбив колхозные склады и амбары, бандиты, что смогли погрузили на сани, а что не смогли тоже запалили. Скрыться они успели до появления милицейского отряда.

Лихо действовали дезертиры, хоть вооружены были так себе, обрезы, берданки в лучшем случае трехлинейки, да отобранные у милиционеров наганы. В открытом бою их, наверное, было бы нетрудно одолеть. Но от таких боестолкновений они умело уходили на своих

санях, отлично ориентируясь в лесных проселках, по которым не могли пройти автомобили. Милиционеры тоже пересели на сани, запряженные лошадьми. И им тоже нужны были быстрые лошади. И вновь заволновался Яков Фомич, как бы «Лимонку» не реквизировали для своих нужд уже милиционеры. Он обратился к председателю с просьбой, чтобы, случись чего, помог освободиться от этой «гужевой повинности». Ведь как пить дать запалят лучшую в колхозе лошадь, гоняя ее по перелескам и болотам...

3

В тот день стояла хмарь. Снег из низких туч то сыпал мелким бисером, то прекращался, но метели не было. Якова Фомича часто наряжали возить бидоны с молоком с глуховской фермы, где кое как доились немногие оставшиеся после массового забоя колхозные коровы. Возил он это молоко на молочный завод, расположенный в селе за десять километров от Глуховки. Яков Фомич легким подергиванием вожжей пустил «Лимонку» свободной рысью. То был ее любимый темп бега. Так, по хорошей дороге, она могла, не сбиваясь с шага, на одном дыхании покрыть все десять километров пути и даже больше. Ей не требовалось при этом ни кнута, ни какого другого понукания. Рысь ее стихия, она давалась ей легко, в охотку, но только ни в коем случае не надо было пытаться пустить ее в галоп. Тогда она сама будет бежать, и бежать без усталости. Яков Фомич как никто знал эту характерную особенность «Лимонки».

Но на этот раз особо долго бежать ей не пришлось. Через четыре километра «Лимонка», вдруг, недовольно всхрапнув, встала как вкопанная. Фомич, прикемаривший под мерный стук копыт, удивленно разлепил глаза. Сани стояли перед мостом через неширокую речушку.

– Что за напасть, прости Господи?– Фомич вылез из саней, не понимая, что могло остановить «Лимонку». Подойдя ближе к мосту понял – одна из свай ближе к противоположной стороне рухнула и часть настила свалилась прямо на лед. От чего повалилась свая, от старости или кто-то ей помог... Сие было неясно. Но делать все равно что-то надо. Скованная льдом речушка шириной была не более десятка метров, но имела довольно высокие, обрывистые берега, то есть фактически текла по дну небольшого оврага. Пешком перейти ее по льду ничего не стоило, но спустить лошадь с санями, нечего и думать. Оставалось два варианта, либо возвращаться назад... но тогда за не доставленное вовремя, а значит прокисшее молоко, как бы отвечать не пришлось «по закону военного времени», как любил к месту и не к месту повторять председатель. Так что оставалось второе, ехать в объезд, километра два вдоль оврага до места, где берег становился более пологим, и можно было спуститься и переехать речушку по льду. Как раз в том направлении имелась старая проселочная дорога, по которой призывно извивался свежий санный след. След был хороший, по всему оставленный не одними санями. Видимо, здесь с утра кто-то поехал уже в объезд.

Ничего не заподозрив, Фомич тоже решил ехать в объезд. Однако тот объезд сулил не только лишние километры пути, но и то, что теперь все время приходилось ехать не по полю, а лесом. Фомич уже не давал «Лимонке» разбегаться, придерживал – проселок не большак, неровный, ухабистый. «Лимонка» перешла с рыси на быстрый шаг, что для нее тоже довольно привычный способ передвижения. До спуска доехали без происшествий, преодолели речушку, вылезли на другой берег... Все тот же санный след вел далее по просеке в сплошном сосняке. Можно было ехать и вдоль берега, назад к мосту, на большак, но та дорога едва угадывалась под свежим снегом. Фомич пожалел «Лимонку», она ведь не битюг, чтобы прокладывать санный путь да еще груз тащить. По пробитой дороге по следу, она сколь хочешь пройдет, не то что по снежной целине. Повернул Фомич на просеку и пустил «Лимонку» по следу. Чего ему бояться, места его родные, он здесь все знает и ни за что не заблудится. Эта просека его выведет на перекрестный проселок, по которому тоже скоро выедешь на большак. Правда, ехать все время с лесом и никаких деревень по пути уже не встретишь... Но след, раз есть след, значит кто-то здесь проехал, проедет и он, отвезет эти бидоны на завод и все будет как обычно... О бандитах он как-то не думал. Да они и в эту зиму вблизи Глуховки почему-то не шалили.

Но как обычно не вышло. Фомич больше не дремал, ведь эта дорога «Лимонке» была незнакома, к тому же довольно крепкий наст под небольшим слоем свежего снега нет-нет да и проваливался под ее копытами, и потому он внимательно смотрел на дорогу, опять таки при-

держивая её, готовую вновь перейти на свою любимую рысь... Двое саней на краю просеки и несколько человек в тулупах, полушубках, валенках, ушанках Фомич заметил издали, но то, что в руках у них оружие... это своим ослабшим зрением Фомич увидел лишь, когда подъехал метров на тридцать. Бандиты стояли у своих саней и спокойно его поджидали. Санний след обрывался на них. Теперь уже не оставалось сомнений, что именно они подломили опору моста и оставили санний след, заманивая за собой случайных путников. Увы, по стечению обстоятельств этим путником оказался Яков Фомич на «Лимонке». Фомич среагировал скорее инстинктивно, чем обдуманно. Что сделают бандиты? Скорее всего заберут молоко... Да черт с ним с молоком, они ведь наверняка заберут и его «Лимонку». Вона, их то лошаденки, поди, давно по-хорошему не кормлены, хребтины торчат, бока впали. А его красавица и ухожена и сани даже по такой дороге играючи везет. Мгновенно приняв решение, Фомич, пожалуй, впервые вытянул вожжами свою любимицу по гладкой лоснящейся спине. Та, никак этого не ожидала и скорее удивилась, чем отреагировала на удар, то есть почти не убыстрила свой шаг. Но хозяин вновь хлестанул ее вожжами и пронзительным фальцетом крикнул:

– Ноо, пошла!!...

В крике хозяина «Лимонка» уже не могла не почувствовать тревоги, его состояние передалось ей и она мгновенно перешла с шага на свою обычную рысь... Бандиты почему-то на такую реакцию никак не рассчитывали. Они даже толком не перегородили своими санями просеку, оставив промежуток меж ними и лесом, где вполне могли проехать еще одни сани. И Фомич воспользовался этим, буквально пролетев мимо них. Но те не растерялись и тут же пустились в погоню. Теперь уже «Лимонка» неслась не по санному следу, а прямо по свежему снегу на несколько сантиметров покрывшем твердый наст. Здесь опасность заключалась в том, что под снегом истинного состояния этой дороги фактически не видно. Но делать нечего, «Лимонка» бежала рысью, время от времени проваливаясь и сбиваясь с ритма. Зато бандиты теперь ехали по проложенной колее. Сначала у Фомича возникла мысль сбросить бидоны на дорогу – может бандюги позарятся на молоко и остановятся, да и «Лимонке» легче бежать. Но вскоре стало ясно, что это делать вовсе не обязательно. «Лимонка» и по такой дороге и с грузом шла быстрее, чем лошади преследователей, к тому же они тянули сани, в которых сидело по несколько человек. Одни из саней преследователей отстали сразу, а вторые с возницей нещадно хлеставшим лошадь, шедшую тяжелым галопом, держались из последних сил... И все одно расстояние хоть и медленно но увеличивалось. Лошадь преследователей была уже на пределе, расстояние между санями возросло до тридцати-сорока метров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.